

Суворин Алексей Сергеевич

**Царь Дмитрий Самозванец и
царевна Ксения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Сергеевич С.**
Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения / Суворин Алексей Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 221 с.

ISBN 978-5-519-75747-8

ISBN 978-5-519-75747-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О САМОЗВАНЦѢ ВЪ ДРАМАХЪ.

I.

Мнѣ хочется представить, прежде всего, литературное родословіе Дмитрія, бывшаго около года русскимъ царемъ. Родословіе это начинается въ испанской литературѣ. Знаменитый драматургъ Лопе-де-Вега воспользовался первыми извѣстіями объ успѣхахъ Дмитрія и о чудесномъ его спасеніи и написалъ пьесу подъ заглавіемъ «El gran duque de Moscovia у emperador perseguido». Пьеса уже была представлена въ 1605 г., а въ 1606 г. Дмитрій былъ убитъ, не узнавъ, что его изображали еще при жизни на сценѣ. Пьеса кончается торжествомъ Дмитрія. Историческаго въ ней мало, но разсказъ о спасеніи царевича интересно выдуманъ.

Изъ Испаніи Дмитрій перешелъ во Францію: въ 1689 г. явилась французская трагедія Ж. Б. Обри (Aubry), изображавшая судьбу Дмитрія; 4-го августа 1717 г. парижане увидѣли на сценѣ передѣлку съ итальянскаго «Arlequin Demetrius»; потомъ парижане видѣли на сценѣ еще двѣ новыя пьесы о Лжедмитріи. Въ 1829 г. Леонъ Галеви, написалъ трагедію въ

5 д. «Le Czar Démétrius» которая была разыграна королевскими актерами въ этомъ же году на сценѣ «Théâtre Français», а въ 1876 г. на сценѣ театра «National-Lyrique» дана была опера въ 5 акт. и 7 карт. «Dimitri», слова Генр. Борнье и Армана Сильвестра, музыка Викторьена Жонсьера.

Въ Германіи принялся за Димитрія великій драматургъ Шиллеръ. Окончивъ «Вильгельма Телля» въ 1803 г., онъ началъ думать о Димитріи и собирать матеріалы, читать, дѣлать выписки, составлять сценарій. Распространившійся въ Веймарѣ слухъ о помолвкѣ наследнаго принца Фридриха Вильгельма съ великою княжною Маріей Павловной обратилъ общественное вниманіе къ Россіи, и Шиллеръ сталъ торопиться съ своей работой и занимался ею до самой смерти. Когда онъ умеръ, 29-го апрѣля 1805 г., на его письменномъ столѣ лежалъ переписанный монологъ Марѳы (Es ist mein Sohn), который говоритъ она послѣ ухода архіерея Іова (сцена 2-я 2-го акта).

Главными источниками Шиллера были Левекъ («Histoire de la Russie»), русскій историкъ Миллеръ («Sammlung russischer Geschichte») и повѣсть Ла-Рошелля («Czar Demetrius, histoire moscovite»)*. Для рисовки русскихъ нравовъ онъ пользовался преимущественно Олеаріемъ. Въ 1895 г. изданы всѣ его черновыя тетради по этой трагедіи, подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями Густава Кеттнера (Schiller's Dramatische Nachlass». I Band. Demetrius. 70 стр. предисловія и 312 текста). Изъ этихъ тетрадей видно, какъ работалъ великій поэтъ, какъ составлялъ онъ планъ, сценарій,

*) Въ моей библіотекѣ есть 2-е изданіе этой повѣсти, въ Гатѣ, 1717 г. Авторъ прочелъ Маржерета, Де-Ту и нѣкоторые другія записки современниковъ. Нѣкоторые историки *осмѣливаются* называть его (Димитрія) обманщикомъ, говоритъ онъ въ предисловіи. Его Димитрій настоящий царевичъ и герой.

какъ сомнѣвался, задавалъ себѣ вопросы, отвѣчалъ на нихъ, объяснялъ положенія дѣйствующихъ лицъ, ихъ психологію, записывалъ русскія слова и пословицы, русскія фамиліи и имена, составлялъ списки дѣйствующихъ лицъ, начиналъ по одному плану, потомъ переходилъ къ другому и т. д. Творчество не легкое дѣло даже для великихъ поэтовъ.

Трагедію Шиллера называютъ «неоконченной». Справедливѣе называть ее «начатою». Шиллеръ написалъ только одинъ актъ своей трагедіи (сеймъ въ Краковѣ) и то съ пропусками, обозначивъ ихъ точками. Этотъ актъ написанъ съ такимъ совершенствомъ, что нельзя не пожалѣть, что трагедія была не дописана. Второго акта написаны имъ только три сцены стихами и съ пропусками еще большими, чѣмъ въ первомъ актѣ *). Все остальное только сценарій, написанный прозою, но сценарій очень подробный, похожій на планъ цѣлаго историческаго изслѣдованія. При этомъ попадаются отдѣльныя фразы діалога, приходившія въ голову поэта при изложеніи, содержаніе монологовъ и одна сцена прозою, именно сцена свиданія Марѳы съ Димитріемъ, которою воспользовался Островскій въ своемъ «Самозванцѣ» довольно близко къ нѣмецкому подлиннику.

Шиллеръ такъ популяризировалъ личность Димитрія въ Германіи своей начатою трагедіей и своими сценаріями, дающими хорошее руководство для писателя, что до настоящаго времени не прекращаются додѣлки, такъ сказать, его трагедіи. Гёте первый вызвался

*) Есть еще незначительные отрывки по первоначальному плану трагедіи. Шиллеръ хотѣлъ начать ее у Мишка, съ знакомства Димитрія съ Мариной. Прежде чѣмъ Димитрій влюбляется въ Марину, въ него влюбляется сестра Марины, Лодонска. Этимъ брошеннымъ Шиллеромъ планомъ воспользовался потомъ нѣмецкій драматургъ Лаубе въ своей пьесѣ о Самозванцѣ.

докончить ее, приступилъ къ предварительнымъ работамъ, но не прибавилъ ни слова къ трагедіи. Нашлись другіе продолжатели. Такихъ трагедій существуетъ едва ли не цѣлый десятокъ. Между авторами были: баронъ Францъ Мальтицъ (1835); извѣстный поэтъ Фридрихъ Боденштедтъ (1856), пріятель нашего Термонтова; О. Ф. Группе (1861); поэтъ Геббель (1864 г.), не докончившій своей драмы; извѣстный драматургъ Генрихъ Лаубе (1872); Отто Сиверсъ (1888); А. Веймаръ, псевдонимъ Августы Гётце (1897) и нѣкоторые другіе.

Я рассказываю это литературное родословіе Димитрія, ибо думаю, что оно интересно само по себѣ и, кромѣ того, доказываетъ, какая это занимательная и сильная личность, если драматургія иностранная удѣлила ей столько вниманія, какъ едва ли какому другому историческому лицу. Въ Россіи первая трагедія о Самозванцѣ была написана Сумароковымъ въ римованныхъ стихахъ (1771), потомъ Нарѣжнымъ (1800), авторомъ «Бурсака», прозою, и Пушкинымъ. У Пушкина Димитрій является эпизодическимъ лицомъ въ «Борисѣ Годуновѣ», но чрезвычайно яркимъ, облитымъ поистинѣ царственной поэзіей. Послѣ Пушкина написаны на ту же тему трагедіи и драмы поэтомъ Хомяковымъ (1833), Погодинымъ (1835), Чесвымъ (1864), Островскимъ (1867). Называю только извѣстные имена и обозначаю въ скобкахъ годы появленія въ печати. До Островскаго Самозванецъ вездѣ является Григоріемъ Отрепьевымъ. Островскій писалъ свою драму подъ вліяніемъ Костомарова. Его Самозванецъ—обманщикъ, неизвѣстнаго происхожденія, страстно влюбленный въ Марину и въ свою власть. Его не беспокоитъ самозванство: онъ смотритъ на себя, какъ на завоевателя «холоповъ», и «холопы» его убиваютъ.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Съ живописной картины XVII в., находящейся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

II.

Одинъ изъ рецензентовъ моей пьесы, сравнивая мой взглядъ на Самозванца со взглядомъ на него Шиллера, сказалъ слѣдующее:

«Димитрій у Шиллера искренно вѣрить въ царственное свое происхожденіе. Такова же психологія и Суворинскаго Димитрія».

Это не вѣрно. Димитрій Шиллера вѣрить въ свое царское происхожденіе только до Тулы (по сценарію въ 3-мъ актѣ). Здѣсь онъ узнаетъ, что онъ не сынъ Грознаго, а сынъ служанки царевича Димитрія, товарищъ по играмъ настоящаго Димитрія. Эту новость онъ узнаетъ отъ человѣка, который, будучи подкупленъ Годуновымъ, убилъ царевича. Когда Годуновъ по счету за убійство не заплатилъ, то убійца подставилъ вмѣсто царевича сына служанки и воспиталъ его въ убѣжденіи, что онъ сынъ Грознаго. Въ нѣкоторыхъ спискахъ дѣйствующихъ лицъ своей трагедіи Шиллеръ называетъ этого наемнаго убійцу царевича — Утрепіа и Отрепьевъ. Димитрій съ ужасомъ слышитъ эту исторію и въ бѣшенномъ отчаяніи отъ этого открытія убиваетъ Отрепьева. Отсюда психологія Димитрія совершенно мѣняется: онъ мучится своимъ самозванствомъ, но честолюбіе заставляетъ его продолжать роль царевича; въ немъ пробуждается подозрительный тиранъ, и онъ тутъ же казнитъ одного изъ бояръ и приказываетъ подслушивать, что о немъ говорятъ въ народѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ видится съ матерью и не скрываетъ передъ нею, что онъ не сынъ ея, но за то является мстителемъ за ея сына.

Какъ я ни малъ въ сравненіи съ Шиллеромъ, но хорошо понимаю, что при моей задачѣ я не могъ слѣдовать психологіи такого Димитрія и повторять

Шиллера, не говоря уже объ Островскомъ, Самозванецъ котораго сознательный обманщикъ.

Послѣ Костомарова вопросъ о Самозванцѣ сталъ разрабатываться усердно. Явились новые документы, новыя изслѣдованія, новыя записки современниковъ, напр. поляка Немоевскаго, который привозилъ продавать Самозванцу брилліанты сестры короля Сигизмунда и нѣсколько разъ видѣлся съ царемъ и участвовалъ въ свадебныхъ празднествахъ. Когда вышелъ томъ «Русской Исторіи» Д. Н. Иловайскаго, посвященный Смутному времени, я написалъ нѣсколько статей въ «Нов. Врем.» *) о первомъ Самозванцѣ, котораго нашъ историкъ считалъ западноруссомъ. Полемизируя съ нимъ, я отстаивалъ русское происхожденіе Лжедмитрія и даже впервые въ нашей печати старался доказать, что онъ могъ быть царевичемъ Димитріемъ, котораго успѣли спасти и укрыть либо въ монастыряхъ, либо въ Литвѣ, и что Григорій Отрепьевъ и царевичъ Димитрій одно и то же лицо, т. е. что царевича скрывали подъ именемъ Отрепьева. Извѣстный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ перспискѣ своей съ графомъ С. Д. Шереметевымъ **) сказалъ по этому поводу: «Нѣтъ, если Разстрига не Самозванецъ, то онъ и не Отрепьевъ. Но для Васъ важно то, что предположеніе о томъ, что царствовалъ настоящій Димитрій, важно въ томъ отношеніи, что стало быть съ вопроса свято табу и можно о немъ говорить». Я останавливался на вопросѣ объ эпиплессіи царевича Димитрія, о чемъ говорили свидѣтели во время розыска, произведеннаго Шуйскимъ въ маѣ 1591 г., и выражалъ удивленіе, что на этотъ

*) «Новое Время» 1894 г., №№ 6537, 6540, 6549, 6559, 6563, 6565.

**) «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени», Спб. 1898.

вопросъ ни историки наши, ни психіатры не обращали доселѣ вниманія. «Любопытно его (мое) замѣчаніе объ эпилепсіи», говоритъ въ тѣхъ же «Письмахъ» К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «если только вопросъ объ эпилепсіи не долженъ быть отстраненъ». Если въ Самозванцѣ можно найти черты эпилептического характера, то это дастъ нѣкоторый ключъ къ розыску Шуйскаго и въ то же время къ личности Самозванца. Я рисовалъ картину спасенія царевича именно въ связи съ этимъ розыскомъ. Графъ С. Д. Шереметевъ давно занимается исторіей Самозванца. Доселѣ напечатано имъ два отрывка изъ его изслѣдованія въ сборникъ «Старина и Новизна», оба очень любопытныя. Путемъ тщательныхъ розысканій онъ старается найти доказательства того, что лицо, извѣстное подъ именемъ Лжедмитрія I, было царевичемъ Димитріемъ, что царевичъ скрывался подъ именемъ монаха Леоніда и подъ этимъ именемъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Отрѣпьевымъ бѣжалъ въ Литву. Ходъ этой исторической работы хорошо рисуется въ упомянутыхъ «Письмахъ» К. Н. Бестужева-Рюмина, который, дѣлая замѣчанія на доводы графа, болѣе и болѣе склоняется въ пользу выводовъ его изслѣдованія, хотя думаетъ, что доказать главную мысль автора чрезвычайно трудно.

Извѣстный изслѣдователь русской исторіи XVI вѣка и начала XVII, о. Цирлингъ, первоначально допускалъ, что Самозванецъ былъ сынъ Ивана Грознаго. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изысканіямъ въ Ватиканскомъ архивѣ, открывъ нѣсколько важныхъ документовъ тамъ,—между прочимъ, подлинное письмо Самозванца на польскомъ языкѣ къ папѣ Клименту VIII, онъ склоняется въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи («La Russie et le Saint Siècle. III. Paris. 1901») въ пользу того, что это былъ монахъ Григорій Отре-

пѣвъ, какъ думали Карамзинъ и за нимъ Пушкинъ. Самозванцу же г. Щепкинъ посвятилъ большое изслѣдованіе, напечатанное въ журналѣ г. Ягича «Archiv fuer Slavische Philologie», томы X—XII, 1898—1899. Это сочиненіе есть обстоятельный критическій обзоръ всей литературы о первомъ Самозванцѣ, и надо думать, что оно явится на русскомъ языкѣ, можетъ быть, въ переработанномъ и дополненномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ это очень желательно.

Воспользовавшись всѣмъ этимъ, я представилъ Самозванца человѣкомъ несомнѣнно русскимъ, до конца жизни вѣрующимъ въ свое царское происхожденіе, тогда какъ у Шиллера онъ раздваивается. Въ моей пьесѣ Димитрій дѣйствуетъ какъ прирожденный царь, а не какъ самозванецъ, и мучается только тѣмъ, что ему не вѣрятъ, что маска Григорія Отрепьева, наложенная на него царемъ Борисомъ Годуновымъ, все-таки погубила его. Открыто сознаться, что онъ посылъ это имя нѣкоторое время, значило—погубить себя еще раньше. Я могу думать, что такъ поставленный вопросъ о личности Самозванца—совершенно новая попытка въ драматической литературѣ. Я отбросилъ всѣ обычные и эффектные явленія, какъ въѣздъ въ Москву, коронованіе, приемы польскихъ пословъ, чѣмъ пользовались другіе наши драматурги. Я хотѣлъ его нарисовать болѣе въ домашней обстановкѣ, въ сценахъ съ Ксеніей и другими близкими ему людьми, на фонѣ общаго шатанія и сумятицы въ умахъ. Я писалъ по собственному плану и не повторялъ своихъ предшественниковъ. Я пилъ изъ своего стакана. Можетъ быть, онъ очень маленькій, но онъ мой.

Я убѣжденъ, что личность Димитрія и вся та интрига, которая около него образовалась, еще ждетъ своего поэта и болѣе свободы для писателя. Одно